

ДОН НИГРО

НОЧИ В КАФЕ

«БРОДЯЧАЯ

СОБАКА»

Дон Нигро Ночи в кафе «Бродячая собака»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53814778*

Аннотация

Пятнадцать актеров (5 женских и 10 мужских ролей). Драма. Судьбы знаменитостей Серебряного века, преломленные через ночи, которые они проводили в петербургском кафе «Бродячая собака». Главная героиня – Анна Ахматова. Захватывающая, не отпускающая до последней реплики пьеса.

Содержание

Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	17
Картина 3	26
Картина 4	32
Картина 5	37
Картина 6	44
Картина 7	48
Картина 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дон Нигро

Ночи в кафе

«Бродячая собака»

Пятнадцать актеров (5 женских и 10 мужских ролей). Драма. Судьбы знаменитостей Серебряного века, преломленные через ночи, которые они проводили в петербургском кафе «Бродячая собака». Главная героиня – Анна Ахматова. Захватывающая, не отпускающая до последней реплики пьеса.

Действующие лица:

АННА АХМАТОВА

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ/ПЯТЫЙ КЛОУН-СКЕЛЕТ

АЛЕКСАНДР БЛОК/ВТОРОЙ КЛОУН-СКЕЛЕТ

ЛЮБОВЬ БЛОК

ЛИЛЯ БРИК

ОСИП БРИК

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ/ТРЕТИЙ КЛОУН-СКЕЛЕТ

ТАМАРА КАРСАВИНА

ВЕЛИМИР

ХЛЕБНИКОВ/ОФИЦИАНТ/МЕД-

ВЕДЬ/ЧЕТВЕРТЫЙ КЛОУН-СКЕЛЕТ

ВСЕВОЛОД КНЯЗЕВ/ПЕРВЫЙ КЛОУН-СКЕЛЕТ

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД

ОЛЬГА СУДЕЙКИНА

БОРИС ТОМАШЕВСКИЙ/КОНСТАНТИН СТАНИ-
СЛАВСКИЙ

Место и время действия: подвал в Ленинграде (ранее и теперь Санкт-Петербург) в сентябре 1941 г., во время нацистской осады города. Гораздо раньше, в второй декаде 1900-х (31.12.1911 – 3.03.1915) здесь находилось знаменитое кафе «Бродячая собака», через призму которого, посредством воспоминаний и воображения АННЫ АХМАТОВОЙ, мы увидим также другие места в другие времена. Справа лестница с узкими ступенями ведет в подвал. Только АННА и ТОМАШЕВСКИЙ будут пользоваться этими ступенями. Остальные будут появляться из теней и исчезать в них, все равно где. Пьеса плавно переходит от реальной АХМАТОВОЙ в 1941 г. к ее воспоминаниям и фантазиям о случившемся в «Бродячей собаке» и в последующие годы. В идеале весь театр – «Бродячая собака», а зрители – приглашенные гости, окруженные действием. Столы, стулья, небольшой кукольный театр на столе в левой части сцены, приподнятая платформа, окруженная игровым пространством, на котором большие литавры и аккордеон ХЛЕБНИКОВА. После первого появления актеры остаются на сцене большую часть пьесы, выходят из теней и скрываются в них. Но когда кого-то увидят КЛОУНЫ-СКЕЛЕТЫ, это навсегда.

Музыка: «Таинственные баррикады» Франсуа Куперена,

играется на пианино, находящемся вне сцены. Артисты поют традиционные «Очи черные», Калинку» и «Интернационал», но со своими словами. Музыку для «Моей маленькой русской прелести» можно найти в конце «Авторского послесловия».

«Слышно страшное в судьбе наших поэтов».

Николай Гоголь

«Нет ничего ужаснее поэзии. Она остается, чтобы ни случилось».

Владимир Маяковский

*«Умом Россию не понять,
Аришном общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».*

Федор Тютчев

Посвящается Татьяне Кот

Действие первое

Картина 1 «Бродячая собака»

(Сентябрьский вечер в 1941 г. в Ленинграде (ранее и позже Санкт-Петербург) во время нацистского авианалета. Вой сирен и разрывы бомб. Подвал, кутающийся в тени. Тут и там круглые деревянные столики и стулья, зеркала, в глубине сцены чуть поднятая платформа. Два человека осторожно спускаются по лестнице справа и проходят через низкую дверную арку вниз. БОРИС ТОМАШЕВСКИЙ, 51 год, литературовед, и АННА АХМАТОВА, поэтесса, по-прежнему стройная и прекрасная. По ходу пьесы она будет становиться моложе, потом старше).

ТОМАШЕВСКИЙ. Спускайтесь. Тут хоть какое-то укрытие. (АННА проходит через дверную арку). Осторожно, не ударьтесь головой. Как вы?

АННА. Я бы спросила об этом Луну.

ТОМАШЕВСКИЙ. Думаю, вы слегка плохо соображаете.

АННА. Весь город такой. Люди входят и выходят из моей квартиры. Они думают, что это мужской туалет. Но я не мо-

гу их винить, потому что на двери табличка: «МУЖСКОЙ ТУАЛЕТ».

ТОМАШЕВСКИЙ. Вас ударило по голове кирпичом.

АННА. И они таскают столовые приборы. Я прятало вилки и ложки в своих галошах. Теперь суп воняет грязными ногами. А что мне делать? Я – поэтесса. Неужели кто-то думает, что я буду есть суп пальцами?

ТОМАШЕВСКИЙ. Тут много стульев. (*Усаживает ее*). Посидите и немного успокойтесь.

АННА (*тут же встает*). Я должна сидеть в продуваемой насквозь комнате, пить водку стопками, тогда как незнакомцы шастают взад-вперед весь день и полночи, и доносчики прячутся в сырости под обоями, как жабы, записывая все, что я говорю. Вы это не упустили, товарищи? Хорошо меня слышите, жалкие маленькие хорьки? Или мне пердеть громче?

ТОМАШЕВСКИЙ (*усаживая ее вновь*). Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и не вставайте больше. У вас, возможно, сотрясение мозга.

АННА. Посмотрите на все эти зеркала. Я жила в столь многих зеркалах.

ТОМАШЕВСКИЙ. Тут полно столов, стульев и зеркал. Те, кто здесь жил, похоже, любили сидеть в подвале и смотреть на себя. А вот старый фонарь. Готов спорить, кто-то принес его сюда, чтобы не спотыкаться на каждом шагу.

АННА. Насилие и похоть. И предательство.

ТОМАШЕВСКИЙ (*зажигает фонарь*). Да будет свет.

АННА. Этот сукин сын Кутузов¹ походя лишил меня невинности. Он был такой красивый, такой эlegantный, такой холодный и абсолютно самоуверенный. Он пугал меня до смерти, но я не смогла оторвать от него свою душу. Я отравлена на всю жизнь.

ТОМАШЕВСКИЙ (*поднимает фонарь, оглядывается*).
Интересное место.

АННА. Первые двадцать лет мы пишем себе сценарий, а потом проводим остаток жизни, меняя состав и проигрывая его снова и снова.

ТОМАШЕВСКИЙ. Не из тех, подвалов, что найдешь в любом доме. Более того, кажется знакомым.

АННА. Мой отец бросил мою мать. Мужчина, забравший мою невинность, бросил меня. И теперь я всякий раз ожидаю, что меня бросят. А чего ты ждешь, то и получаешь. И мне становится не по себе, в ожидании.

ТОМАШЕВСКИЙ. Эти стены, разрисованные птицами.

АННА. Птицы на стенах?

ТОМАШЕВСКИЙ. Красиво разрисованные.

АННА (*встает, оглядывает стены*). Знаете, где мы?

ТОМАШЕВСКИЙ. В чем-то старом винном погребе. Но почему они разрисовали стены птицами...

АННА. Это «Бродячая собака». Здесь находилось кафе «Бродячая собака». Его закрыли в прошлую войну. Птиц ри-

¹ Голенищев-Кутузов Владимир Викторович (1879-1934)

совал муж Ольги². Я приходила сюда со своим первым мужем, как там его звали.

ТОМАШЕВСКИЙ. Гумилев.

АННА. Нет, не с ним.

ТОМАШЕВСКИЙ. Вашим первым мужем был поэт Гумилев. И вам нужно сесть. Незачем вам вскакивать, пока врач не осмотрит вас. Честное слово, вы не в себе.

АННА. Я и раньше была не в себе. Всегда такая. Сюда приходили все. Мандельштам и Блок, и Маяковский, и Мейерхольд, и моя подруга Ольга Судейкина, и Тамара Карсавина, прима-балерина.

ТОМАШЕВСКИЙ (*ему удается вновь усадить ее*). Посидите и попытайте расслабиться. Бомбардировка никак не закончится. Вы правы. Это «Бродячая собака». Но кафе закрыли давным-давно. Я знаю врача, который живет неподалеку. Попробую выйти из подвала и привести его к вам. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Хорошо?

АННА. Лучшие дни моей жизни прошли в «Бродячей собаке». Ты минуешь дверь, оказываешься на лестнице и словно спускаешься по ней в ад. Воздух всегда был напоен табачным дымом, и таинством, и смехом, и сексом, и пусть жизнь была ключом в настоящем, возникало и некое ощущение вне временности, будто ты ступал в вихрь, где смешивались прошлое и будущее. А если часа в четыре утра ты пристально

² Судейкин Сергей Юрьевич/Георгиевич (1882-1946) – русский художник-живописец, график, художник театра.

всматривался в стены, то видел, как птицы двигались, а листья шуршали пред зарей.

ТОМАШЕВСКИЙ. Вот и прекрасно. Смотрите на птиц, а я скоро вернусь. Дождетесь меня здесь?

АННА. Куда я пойду? Вокруг больше ничего нет. Это место – центр вселенной. Нам всегда так казалось.

ТОМАШЕВСКИЙ (*колеблется, смотрит на нее*). Никуда не уходите. (*Поднимается по лестнице и исчезает*).

АННА. Ночью, заснув, я возвращаюсь в это место. Я столько раз спускалась по этой лестнице, проходила через арку, такую низкую, что Станиславскому приходилось наклонять голову. Художники, поэты, актеры, танцовщики. Владельцы заложили окна, чтобы отсечь окружающий мир, и разрисовали стены арлекинами и птицами. Для богемы это был рай. Все спали со всеми, и мы говорили себе, что это нормально, потому что мы – другие. Мы – творческие люди. И никаких правил для нас не существовало. Уникальное собрание пьяниц и шлюх, все поголовно полагали себя гениями, и некоторые в этом не ошибались, но сколько горя мы причиняли друг другу. И однако, как отчаянно мне не хватало этого места. (*Звуки «Таинственных баррикад» Куперена, пианино где-то за сценой*). Тут была маленькая сцена, но играли здесь все, как на сцене, так и вне. Кто-то музицировал, а Тамара танцевала. (*ТАМАРА КАРСАВИНА, прима-балерина, появляется из теней и танцует на возвышении у задника, за спиной АННЫ, которая ее не видит*). Она была такая

красивая. Вроде бы хрупкая, но сильная. Танцовщики всегда удивительно сильные. И единственная девственница во всем заведении. Тут даже принимали ставки на то, кто станет у нее первым. (МАНДЕЛЬШТАМ появляется из теней, наблюдает, как танцует ТАМАРА, в руках бутылка и два стакана). И Мандельштам сидел, наблюдал и смешил меня эксцентричными толкованиями Каббалы.

МАНДЕЛЬШТАМ (садясь за столик АХМАТОВОЙ). Малкут – это последняя десятая сефира Древа жизни. Но она не исходит напрямую из Бога. Она исходит из создания Божьего. Мы можем познавать Создателя только через созданное им, как зеркала, отражающиеся в зеркалах.

АННА. Мандельштам?

МАНДЕЛЬШТАМ. Именно поэтому мы не имеем ни малейшего понятия о том, что Он задумал.

АННА. Осип, что ты здесь делаешь?

МАНДЕЛЬШТАМ. Я пытаюсь не задавать этот вопрос, потому что не знаю, хочу ли узнать ответ. Малкут – это портал, врата в Древо жизни. Мы входим в корни, движемся вверх, но по пути большинство из нас пожирают белки.

(Другие начинают появляться, рассаживаются за столиками: МАЯКОВСКИЙ, ОЛЬГА, БРИК и ЛИЛЯ, БЛОК И ЛЮБОВЬ, БЕЛЫЙ, КНЯЗЕВ, ХЛЕБНИКОВ с аккордеоном. ТАМАРА танцует среди них. Некоторые поют песни, которые мы услышим позже, другие произносят реплики, которые мы тоже услышим позже, нарастает какофония зву-

ков).

АННА. Осип, только не сочти меня грубой, но я думала, что ты умер.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это Россия. Здесь все мертвые.

МАЯКОВСКИЙ (*поет, ХЛЕБНИКОВ аккомпанирует ему на аккордеоне*).

Иди ко мне,
Моя маленькая русская зазноба,
Позволь мне
Обнять тебя перед рассветом.
Скоро мы оба
Будем забыты.
Время остановится...
И пойдет снова.

ВСЕ (*хором, кроме АННЫ*).

Скоро мы все
Будем забыты.
Время остановится...
И мы уйдем³.

МАЯКОВСКИЙ (*высокий, харизматичный, поднимается на возвышение, тогда как ХЛЕБНИКОВ продолжает тихонько играть*). Итак, дети мои. Расставляйте мебель, как

³ Подстрочник приводится, чтобы не ограничивать театр в его фантазиях. Возможны и такие варианты:

положено для ночной оргии. В отсутствии Мейерхольда, которого, похоже, задержали, и Станиславского, он раздает автографы и гладит ягодицы на кухне, режиссером буду я, а так как я понятия не имею, что делаю, вы, вероятно, различия не заметите.

АННА. Господи. Это же Маяковский!

МАНДЕЛЬШТАМ. Маяковский не верит в Бога. Он верит, что это он – бог. Он – великий коммунист и обожает руководить.

ВСЕ (*кроме АННЫ поют и расставляют мебель*).

Иди ко мне,
Моя маленькая русская зазноба,
Позволь мне
Обнять тебя перед рассветом.
Скоро мы оба
Будем забыты.
Время остановится...
И пойдет снова.
Скоро мы все
Будем забыты.
Время остановится...
И мы уйдем.

(Когда песня заканчивается, все сидят за столиками, и мы переносимся в «Бродящую собаку», какой она могла быть в 1913 году, может, чуть раньше, может, позже).

АННА. Вон Блок и его прекрасная жена, Любовь. И Андрей Белый. И Лиля и Осип Брики. И бедный, странный Хлебников, одержимый птицами.

ХЛЕБНИКОВ (*откладывает аккордеон, перекидывает полотенце через руку, становясь официантом*). Кар! Кар! Кар!

ОЛЬГА. Анна! Ты здесь. Я везде тебя искала.

АННА. Ольга?

ОЛЬГА. Где ты была?

АННА. Я живу в мужском туалете. Держу ложки в галосах.

ОЛЬГА. Что?

АННА. Я плохо соображаю. Кирпич попал мне в голову.

ОЛЬГА. Маяковский опять бросался кирпичами?

МАЯКОВСКИЙ. Я бросил только один, но в свою защиту хочу сказать, что целил в Мандельштама.

ОЛЬГА. Гумилев бесстыдно со мной флиртовал. Тебе бы лучше приглядеть за ним. Я могу уступить. Если уже не уступила. Не слезу, когда и с кем. Ох, да и какая, собственно, разница? Время – иллюзия, а мужчины все одинаковые. Он так отчаянно ухаживает за тобой, и пока ты медлишь с ответом, хочет переспать со мной. Разумеется, все хотят переспать со мной.

МАНДЕЛЬШТАМ. И все уже перепали.

МАЯКОВСКИЙ (*бьет в литавры, привлекая всеобщее внимание*). Дамы и господа, товарищи и все остальные кто

забрел сюда с холода! Позвольте приветствовать вас этой ночью в кафе «Бродячая собака». Я назначивший сам себя церемониймейстером, Владимир Маяковский, гениальный поэт, гениальный драматург, гениальный художник, гениальный пропагандист, автор гениальных лозунгов, искусный любовник, уличный актер, ярмарочный клоун, пророк и карманник, всегдашний бунтарь и пламенный трибун революции.

МАНДЕЛЬШТАМ. Не было в истории человека более великого, чем тот, каким полагает себя Маяковский.

МАЯКОВСКИЙ. В этот вечер мне приятно видеть в «Бродячей собаке» нескольких поэтов, которые лишь чуточку хуже, чем я: Александра Блока, Осипа Мандельштама и моего друга Хлебникова. Как аккордеонист он оставляет желать лучшего и, похоже, полагает себя, скорее, вороной, чем человеком.

ХЛЕБНИКОВ. Кар! Кар! Кар!

МАЯКОВСКИЙ. И здесь же величайшая, после меня, разумеется, поэтесса, императрица «Бродячей собаки», ослепительно прекрасная и загадочная Анна Ахматова. (*Все смеются и хлопают*). Первым номером нашей сегодняшней программы идет трогательная трагикомедия под названием «Предложение руки и сердца Гумилева». Второе ее название: «Любовь или яд, что лучше?»

АННА. Что он говорит? Я не понимаю, что он говорит.

Картина 2

Любовь или яд

(ГУМИЛЕВ подходит сзади к АННЕ и начинает говорить, когда оказывается рядом).

ГУМИЛЕВ. Почему ты не выходишь за меня?

АННА. Что?

ГУМИЛЕВ. Я спросил, почему ты не выходишь за меня?

АННА. Что тут происходит?

ГУМИЛЕВ. Я вновь предлагаю тебе руку и сердце. Вот что происходит. Тебе это уже не в диковинку. Я сбился со счета – так часто предлагал тебе стать моей женой.

АННА. Я в полном замешательстве.

МАЯКОВСКИЙ. Ответь ему. Не задерживай представление.

МАНДЕЛЬШТАМ. Тебе лучше ответить ему, а то мы здесь застрянем.

ГУМИЛЕВ. Почему ты не выходишь за меня?

АННА *(преображается в более молодую АННУ, становится моложе у нас на глаза, словно вспоминая, какой она была в прошлой жизни)*. Я не могу выйти ни за кого.

ГУМИЛЕВ. Разумеется, можешь. Это просто. Почему нет?

АННА. Потому что я не девственница.

(Насмешливое аханье собравшихся).

ТАМАРА. Так я – единственная на всю Россию?

ОЛЬГА. Очевидно.

ГУМИЛЕВ. Не глупи.

АННА. Я никогда не глуплю.

МАНДЕЛЬШТАМ. Глупец – это я.

АННА. Глупец – Мандельштам, а я – нет.

ГУМИЛЕВ. Ты это говоришь, чтобы шокировать меня.

МАНДЕЛЬШТАМ. Нет, правда, я – глупец.

АННА. Нет у меня интереса шокировать тебя. Я – падшая женщина.

ГУМИЛЕВ. Ты не знаешь, что говоришь.

АННА. Я всегда знаю, что говорю. Ладно, это неправда. Иногда я не знаю, что говорю, пока не увижу, что пишу, случается, что и тогда не знаю, но в данном случае я точно знаю, что говорю. Кутузов лишил меня невинности, а потом выбросил, как тарелку обглоданных костей. Никто меня больше не захочет. Вижу, ты мне не возражаешь.

ГУМИЛЕВ. Мне вдруг стало трудно говорить. Прошу меня извинить. Я вспомнил, что мне надо быть в другом месте.

АННА. Где же?

ГУМИЛЕВ. Не здесь. *(Идет в глубь сцены, берет у ХЛЕБНИКОВА бутылку с надписью «ЯД»)*.

АННА. А потом он ушел и выпил яду. *(ГУМИЛЕВ пьет яд)*. К счастью, недостаточно.

МАНДЕЛЬШТАМ. Единственный раз в жизни он недопил.

АННА. И неделей позже он вернулся.

ГУМИЛЕВ (*возвращается*). Поскольку яд не подействовал и практически не осталось девственниц, достойных дефлорации, я решил взять тебя в жены.

АННА. С твоей стороны это, конечно, поступок, но, извини, нет.

ГУМИЛЕВ. Но я готов простить тебя за то, что ты позволила этому нелепому, самодовольному, неестественно красивому придурку Кутузову надругаться над тобой. Почему ты так упрямисься, когда я веду себя столь благородно?

АННА. Мне ни к чему твое прощение. Тебе я ничего не сделала. Я не стану твоей женой, потому что не люблю тебя.

ГУМИЛЕВ. Это нормально. Никто никого не любит так сильно, как они думают. Ты научись представлять себе, будто любишь меня точно так же, как я научился представлять себе, что люблю тебя, и мы проведем остаток наших дней представляя себе, что каждый из нас очень счастлив.

АННА. И кто, по-твоему, научит меня, как это делается? Любви не научись, как игре на пианино. Или ты любишь, или нет. И правда в том, что я не могу любить тебя, поскольку по-прежнему люблю Кутузова.

ГУМИЛЕВ. Но Кутузов – свинья.

ОЛЬГА. В мужчине это всегда так привлекает.

ГУМИЛЕВ. Я помогу тебе его забыть.

АННА. Я – поэтесса. И ничего забыть не могу.

ГУМИЛЕВ. То есть ты собираешься страдать всю остав-

шуюся жизнь?

АННА. По большому счету, да.

ГУМИЛЕВ. Тогда выходи за меня, и мы будем страдать вместе.

АННА. Нет. Не могу. Это абсолютно бессмысленно.

ГУМИЛЕВ. Это Россия. Тут все бессмысленно. В чем проблема? Конечно, не в том безмозглom манекене, который соблазнил и унизил тебя. Человек, которого мы, по нашему разумению, любим, всего лишь гвоздь в стене, на который мы вешаем наши заблуждения. Чего ты боишься на самом деле?

АННА. Что ты никогда не заткнешься и не оставишь меня в покое.

ГУМИЛЕВ. Помимо этого.

АННА. Что никто меня не хочет.

ГУМИЛЕВ. Ты нужна мне. Я – уже кто-то.

АННА. На самом деле, нет. Я понимаю, что ты – кто-то. Только не уверена, кто именно, потому что слышу от тебя только одно: я тебя люблю, а это означает, что ты хочешь со мной переспать. И хочешь, потому что я тебя не хочу. Так уж все устроено.

БРИК. Извините, но это не очень хорошая постановка.

ГУМИЛЕВ. А что не так?

БРИК. Я просто не верю.

ГУМИЛЕВ. Но ведь так и было.

БРИК. Не понимаю, какое отношение это имеет к поста-

НОВКЕ.

ГУМИЛЕВ. Кто пустил сюда критиков?

МАЯКОВСКИЙ. Нет, Брик прав. Чего-то не хватает. Но чего? Лошадки-качалки? Настоящей лошади? Когда нужен Мейерхольд, его никогда нет.

БРИК. Мейерхольд задержан Че-ка. Но друзья заверили меня, что его скоро освободят.

МАНДЕЛЬШТАМ. У тебя есть друзья в Че-ка?

ЛИЛЯ. В России умный человек должен везде обзавестись друзьями. И мой муж – очень умный.

МАНДЕЛЬШТАМ. Но это не умно – быть слишком умным.

ОЛЬГА. Кукла. Эта постановка напоминает кукольную.

МАЯКОВСКИЙ. Нет. Меня тошнит от кукол.

ОЛЬГА. Как кого-то может тошнить от кукол? Куклы – секрет жизни.

ХЛЕБНИКОВ. Птицы – секрет жизни. Может, кукольные птицы.

ОЛЬГА. И им следовало сыграть эту сцену голыми.

ТАМАРА. Ты всегда хочешь, чтобы все были голыми.

ОЛЬГА. Все и должны быть голыми. Кроме Распутина. Распутин не должен быть голым. Хотя я слышала, что у него здоровенная бородавка на пенисе, которая усиливает сексуальное наслаждение.

БРИК. Однажды Распутин пытался соблазнить мою жену в поезде.

ОЛЬГА. Так есть у него здоровенная бородавка на пенисе?

БРИК. Я не знаю. (*Поворачивается к ЛИЛЕ*). Есть у Распутина бородавка на пенисе?

ЛИЛЯ. Яне видела его пенис.

ОЛЬГА Тебе следовало попросить его показать пенис.

ЛИЛЯ. Я встретила Распутина в поезде, и ты считаешь, мне следовало попросить его показать пенис?

ОЛЬГА. А что еще ты хотела у него увидеть?

МАНДЕЛЬШТАМ. Из того, что я слышал, Распутин любит показывать свой пенис.

БЛОК. Речь не о распутинском пенисе.

ОЛЬГА. А может, зря? Может, эта сцена должна быть о распутинском пенисе? Мы может разыграть ее с куклами.

БЕЛЫЙ. Она говорит тебе, Кутузов забрал ее невинность, ты выпиваешь яд, и она довольна? Правильно?

АННА. Я не довольна.

ОЛЬГА. И все-таки ты была чуточку довольна.

ГУМИЛЕВ. В любом случае, она передумала, сказала, что выйдет за меня, и я так разволновался, что практически перестал спать с другими женщинами. Но потом она опять передумала.

БЕЛЫЙ. То есть она играла с тобой.

АННА. Я с ним не играла. Я была выше этого.

ОЛЬГА. Чуточку ты с ним играла.

ГУМИЛЕВ. Поэтому я вновь выпил яда.

ОЛЬГА. Не мог найти более интересного способа покончить с собой.

ГУМИЛЕВ. Например?

ОЛЬГА. Подложить голову под слона.

ГУМИЛЕВ. Слона у меня не было. Немного яда осталось. Не пропадать же добру.

МАНДЕЛЬШТАМ. Российская логика.

(ГУМИЛЕВ вновь пьет из бутылки. ХЛЕБНИКОВ успевает принести ведро, в которое ГУМИЛЕВА и рвет).

АННА. Болел он тяжело, но все же не умер.

ЛЮБОВЬ. И тогда ты согласилась выйти за него?

АННА. Я предложила ему найти яд получше. Если по правде, это ужасно, быть столь сильно любимой. Но как только я сказала «да», он сбежал в Аргентину. Что с мужчинами не так?

ОЛЬГА. Практически все. Поэтому я предпочитаю кукол. Иногда я разговариваю со своими куклами, и они отвечают мне тоненькими голосами. И ты можешь сунуть руку им в зад и заставить сказать все, что ты хочешь.

МЕНДЕЛЬШТАМ. Совсем как Сталин.

ГУМИЛЕВ. У нас тысяча девятьсот десятый. Сталина еще нет.

КНЯЗЕВ. У нас тысяча девятьсот тринадцатый.

БРИК. У нас тысяча девятьсот тридцатый.

ХЛЕБНИКОВ *(смотрит на карманные часы)*. У нас тысяча девятьсот двадцать второй. Я скоро умру.

МАНДЕЛЬШТАМ. Мы в кафе «Бродящая собака». Здесь сосуществуют все годы и пространства.

АННА. Я думаю, в действительности ничего этого не было. Или случилось, но очень давно, и помню я это смутно, как сон.

БЛОК. Как палимпсест. Плохо стертая восковая дощечка. На которой виден ранее нанесенный текст.

МАНДЕЛЬШТАМ. На самом деле мы не обретаем опыт последовательно. Есть определенная последовательность, в которой мы вроде бы обретаем опыт, но даже она безвозвратно нарушается памятью, и искажениями восприятия, и пониманием, созданным желанием и страхом. Это смесь прошлого, настоящего и будущего, прохудившейся памяти, настоящего, которое уходит до того, как мы успеваем познать его, и будущего, которое, став настоящим, оказывается куда более ужасным, чем мы могли его себе представить. Воображение – та самая способность, позволяющая нам опосредственно увидеть несколько возможных будущих, которые потом сливаются в отчасти забытое и по большей части необъяснимое прошлое. К нему у нас доступ только через память, которая есть воображение, загрязненное опытом и страдающее вновь и вновь в губительной хватке с безжалостной и в немалой степени искаженной ностальгией, а она, на самом-то деле, ни что иное, как агония. Только смерть может положить конец этой нелепой клоунаде. По крайней мере, на это можно надеяться.

ТАМАРА. Обожаю Мандельштама. Никогда не понимаю и слова из сказанного им.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это единственный способ остаться здесь живым.

ГУМИЛЕВ. Мы словно бродячий цирк. Маяковский – ведущий представления.

ОЛЬГА. Клоуны. У нас должны быть клоуны.

ТАМАРА. Я боюсь клоунов.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это Россия. У нас слишком много клоунов.

ОЛЬГА. В этом месте время ведет себя так странно. Я помню многое в переплетенье образов. Теплый дождь, барабанный по крыше. Что-то шепчущее в ивах. Белый зал зеркал. Расплескавшиеся кровь и мозги на обоях с розами. Мертвец на лестнице. Как его звали? Анна, как звали мертвеца на лестнице?

АННА. Я не помню.

КНЯЗЕВ. Оставайся в игре или умри⁴.

⁴ Всеволод Князев (1891-1913) покончил с собой из-за неразделенной любви к Ольге Судейкиной.

Картина 3

Периодическая таблица Менделеева

(Появляется МЕЙЕРХОЛЬД. ЛЮБОВЬ, писаная красавица, готовится к прослушиванию. ТАМАРА и ОЛЬГА держат ее за руки. МЕЙЕРХОЛЬД останавливается, чтобы перекинуться парой слов с МАЯКОВСКИМ. БЛОК и БЕЛЫЙ, сидя за одним столиком, наблюдают).

ТАМАРА. Люба, Мейерхольд здесь. Пришло время прослушивания.

ЛЮБОВЬ. Я не могу. Я в ужасе.

ТАМАРА. Не надо ничего бояться. Кроме клоунов. И медведей. Я боюсь медведей.

ЛЮБОВЬ. Но это Мейерхольд. Он – помощник Станиславского.

ОЛЬГА. Они оба отливают стоя, как и все остальные мужчины. Хотя я слышала, будто Распутин может писать из ушей.

МАЯКОВСКИЙ. Чего ты так поздно?

МЕЙЕРХОЛЬД. Со мной пожелали поговорить в Че-ка. Ничего страшного. Им просто надоело заниматься онанизмом. У меня еще одно прослушивание. Жены Блока.

МАЯКОВСКИЙ. Зачем тебе прослушивать жену Блока?

МЕЙЕРХОЛЬД. Делаю одолжение Блоку. Ты что-то име-

ешь против?

МАЯКОВСКИЙ. Нет. Она красotka, но умеет ли играть?

МЕЙЕРХОЛЬД. Мы это выясним.

ЛЮБОВЬ. Я – Люба Блок. Я пришла для прослушивания на роль Лорелей.

МЕЙЕРХОЛЬД. Я слушаю.

ЛЮБОВЬ. Почему я так несчастна? Что-то шепчет у меня в голове, не дает покоя. Воздух вечером прохладен. Мимо струится Рейн. Вершина горы освещена последними лучами солнца. Лорелей сидит, расчесывая длинные, золотистые волосы... (*ОЛЬГА расчесывает ее волосы, напевая мелодию «Интернационала».* КНЯЗЕВ, как зачарованный, не отрывает глаз от ОЛЬГИ). Ее песня – те же чары. В утлом суденышке поэт охвачен отчаянием. Не может оторвать глаза от Лорелей, не замечает скал, на которые течение несет его суденышко. Вода проглатывает их, и поэта, и челн. Такой мужчины видят меня, колдуньей, а не женщиной, чтобы боготворить на расстоянии, может, даже бояться, но никаких прикосновений. Слово прикосновение это превратит их в камень. Я не хочу быть символом. И при этом моя судьба – завлекать мужчин на встречу со смертью.

МЕЙЕРХОЛЬД. Очень хорошо. Отлично. Спасибо, что пришли. Мы с вами свяжемся.

БЕЛЫЙ (*пока ТАМАРА и ОЛЬГА поздравляют и обнимают ЛЮБОВЬ*). Послушай. Я люблю твою жену.

БЛОК. Все любят мою жену.

БЕЛЫЙ. Разница лишь в том, что я серьезно.

БЛОК. Это Россия. Здесь все серьезно. Только никого не принимают всерьез.

БЕЛЫЙ. Ты не слушаешь. Я люблю твою жену. Я люблю твою жену.

БЛОК. Ладно. Ты любишь мою жену. Только мы это уже проходили. Моя жена любит тебя?

БЕЛЫЙ. Не знаю.

БЛОК. А чего ты хочешь от меня?

БЕЛЫЙ. Ты можешь покончить с собой. Для поэта это гарантированный карьерный рост.

БЛОК. Но как я буду спать со своей женой, если умру?

БЕЛЫЙ. В этом я тебе помогу. Я буду спать с ней. Поверь мне, она больше никогда не будет одинокой.

БЛОК. Нет. Я не собираюсь накладывать на себя руки.

БЕЛЫЙ. Ты совершенно не считаешься с нуждами других.

БЛОК. Я – поэт. Мы такие эгоистичные.

БЕЛЫЙ. Со сколькими женщинами ты переспал?

БЛОК. Не знаю. Наверное, с парой сотен.

БЕЛЫЙ. Что ж. можешь переспать со всеми остальными. А мне нужна только твоя жена. Справедливый обмен, ты согласен?

БЛОК. Ты мой хороший друг, Белый. Но, может, не стоит тебе так со мной говорить.

БЕЛЫЙ. Может, придет день, когда я перейду от слов к

делу.

БЛОК. В каком смысле?

БЕЛЫЙ. Вызову тебя на дуэль. Ты умрешь, как Пушкин.

БЛОК. Я не хочу умирать, как Пушкин. Даже Пушкин не хотел умереть, как Пушкин.

БЕЛЫЙ. Но если человеку суждено умереть от пули, это должен сделать его лучший друг, правильно? Все равно, что пристрелить свою лошадь. Ты же не хочешь, чтобы кто-то чужой пристрелил твою лошадь.

БЛОК. Я – не твоя лошадь.

БЕЛЫЙ. Лошадь – это символ.

БЛОК. Символ чего?

БЕЛЫЙ. Вопрос неправильный.

БЛОК. А какой правильный?

БЕЛЫЙ. Я люблю твою жену.

БЛОК. Это не вопрос.

БЕЛЫЙ. Да, это точно.

ЛЮБОВЬ (*подходит к ним*). Я была хороша?

БЛОК. Ты была превосходна.

ЛЮБОВЬ. Но меня не отобрали.

БЛОК. Отберут в следующий раз.

ЛЮБОВЬ. Нет. Чего-то не достает.

БЛОК. Наоборот, все на месте.

ЛЮБОВЬ. Чего-то не достает внутри меня.

БЛОК. Я заглядывал внутрь тебя. Всего в достатке.

ЛЮБОВЬ. Недостает. Я ощущаю пустоты. Пошли домой.

БЛОК. Ты иди. Я подойду позже.

ЛЮБОВЬ. Не сегодня. Мне холодно.

БЛОК. Позволь мне сначала поговорить с Мейерхольдом.

ЛЮБОВЬ. Нет. Не надо. Мне не нужны одолжения.

БЛОК. Чепуха. Почему не попросить? (*Уходит, чтобы поговорить с Мейерхольдом*).

ЛЮБОВЬ. Мой отец изобрел периодическую таблицу элементов. Я бы хотела понимать моего мужа, как понимаю эту таблицу. Как он может быть таким гениальным и одновременно таким глупым? Я тянусь к нему, а он уходит.

БЕЛЫЙ. А почему тебе не уйти от него?

ЛЮБОВЬ. Я никогда от него не уйду.

БЕЛЫЙ. Почему? Ты такая несчастная.

ЛЮБОВЬ. Это Россия. Здесь все несчастные.

БЕЛЫЙ. Мы с тобой могли бы убежать.

ЛЮБОВЬ. Говорю тебе, не буду я с тобой убежать.

БЕЛЫЙ. Ты говорила, что любишь меня.

ЛЮБОВЬ. Я не знаю, что говорила. Я была очень расстроена.

БЕЛЫЙ. Мы собирались в Италию.

ЛЮБОВЬ. Это была твоя идея – не моя. В голове у меня все перемешалось. Я была такая несчастная. Хотела разжечь в нем ревность. Я не знаю, что делала.

БЕЛЫЙ. Ты знаешь, что я тебя обожаю.

ЛЮБОВЬ. Не нужно мне твое обожание. Меня обожает мой муж.

БЕЛЫЙ. Тогда я не буду тебя обожать. Буду тебя третировать. Бить. Спать с другими женщинами. А приходя домой, седлать тебя, как лошадь.

ЛЮБОВЬ. Что ж, весьма заманчиво, но нет, благодарю. *(Поворачивается и уходит)*.

БЕЛЫЙ. Как пересечь бескрайнюю и бездонную пропасть между душой и плотью? Если есть другой мир, где он? Как мне прикоснуться к нему?

ОЛЬГА. Поверь мне, дружище. Ты не прикоснешься к нему никогда.

БЛОК *(вернувшись)*. Где она?

БЕЛЫЙ. Она ушла. Она всегда уходит. Что сказал Мейерхольд?

Блок. Она хорошо, она очень красива, но взять ее он не может.

БЕЛЫЙ. Почему?

БЛОК. Он говорит, чего-то недостает.

(БЛОК пьет. БЕЛЫЙ через сцену смотрит на ЛЮБОВЬ).

Картина 4

Плот «Медузы»

МАЯКОВСКИЙ. Знаешь, почему я ненавижу стихи Блока?

МАНДЕЛЬШТАМ. Потому что они лучше твоих?

МАЯКОВСКИЙ. Потому что они – телеграммы из вчера. Как и твои.

МАНДЕЛЬШТАМ. Вчера еще не случилось. Это наша работа – создать вчера.

МАЯКОВСКИЙ. Это мистическая чушь. Единственно истинное искусство – импровизация. Если ты не будущее, тогда ты – прошлое. Если ты прошлое, тогда ты мертв.

МАНДЕЛЬШТАМ. А если мы не умерли, они нас убьют. Бог целиком и полностью состоит из этой мистической чуши.

БРИК. Бог – это медуза. На воздухе превращается в ничто.

МАЯКОВСКИЙ. Бог – прошлое, и прошлое должно быть уничтожено. Прошлое – враг.

МАНДЕЛЬШТАМ. Нельзя уничтожать прошлое. Ты будешь снова и снова совершать те же самые глупые ошибки. Прошлое нужно изучать, воспринимать непредвзято, спасать все, что достойно спасения. Проблема Блока и символистов в том, что они заняты разглядыванием некой глубин-

ной реальности и игнорируют находящее у них под носом, а в итоге появляются красивые стихи, которые ровным счетом ничего не значат. Жизненный опыт ничего не символизирует. Он есть сам по себе. Самое необычное в мире то, что мы видим на самом деле.

БЕЛЫЙ. Но есть же слои существующего. Почему отказываться видеть что-либо, кроме лежащего на поверхности?

МАЯКОВСКИЙ. Поверхности вполне достаточно для того, чтобы не придумывать всякую чуть о том, что лежит под ней. Мы устали бродить в вашем дурацком лесу символов.

АННА. Но они могут означать многое: эмоции, психологические состояния. Символы совсем не мистические. Больше напоминают поток отрывочных образов, которые мы складываем, как пазл. Я по-прежнему думаю, что Блок – прекрасный поэт.

ЛИЛЯ. Как и Маяковский. Все стихи Блока он знает наизусть.

МАЯКОВСКИЙ. Да, но пытаюсь их забыть. Я не говорю, что Блок – плохой поэт. Но с политической точки зрения его стихи – бессмысленное, жалкое, комичное старье. Мы, футуристы, любим городскую жизнь, машины, скорость, абсурд, клоунаду, необъяснимое, шокирующее. Мы ненавидим традиции, сантименты, внешние приличия, прошлое. Мы должны вымести весь этот мусор.

АННА. Так я, получается, мусор?

МАЯКОВСКИЙ. Ты – такая прекрасная и очень интерес-

ная. Всякий раз, когда я вижу тебя, ты выглядишь другим человеком.

АННА. Я и есть другой человек.

ЛИЛЯ. Когда Маяковский жаждет любви, он читает твои стихи. Я думаю, он тебя немного боится. И микробов. Он в ужасе от микробов.

МАНДЕЛЬШТАМ. Рано или поздно то, чего ты боишься, придет и найдет тебя.

МАЯКОВСКИЙ. Мандельштам боится меня.

МАНДЕЛЬШТАМ. Я боюсь последствий твоих идей. Я нахожу птичку в клетке на чердаке и хочу написать стихотворение. Ты хочешь задушить птичку и сжечь чердак. Но если ты подожжешь чердак, сгорит весь дом.

МАЯКОВСКИЙ. Пусть сгорит. Мы построим новый. Вся Россия провоняла нафталином. Вы, акмеисты, рвете с символистами и понимаете, что понятия не имеете, куда двигаться дальше, поэтому устанавливаете собственные правила и сразу же их нарушаете.

МАНДЕЛЬШТАМ. Какой смысл в правилах, если их нельзя нарушить?

МАЯКОВСКИЙ. Какой смысл в правилах? Вы окажетесь в спасательной лодке во власти волн, и через какое-то время начнете есть друг друга, как случилось на плоту «Медузы». Проблема в том, что вы до смерти боитесь воды.

МАНДЕЛЬШТАМ. Потому что в ней полно акул.

МАЯКОВСКИЙ. Победить акул можно лишь став акулой.

Вы хотите от поэзии здравомыслия, но в ваших стихах смысла нет никакого.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это логика подсознательных ассоциаций.

МАЯКОВСКИЙ. Другими словами, вы знать не знаете, что делаете.

МАНДЕЛЬШТАМ. Совершенно верно.

МАЯКОВСКИЙ. Даже Горькому надоело защищать искусство и литературу прошлого. Все это надо сжечь. Как сжигают собственную темницу. Поджег библиотеки в Александрии – лучшее деяние римлян. Не нуждаемся вы еще в нескольких сотнях греческих пьес. Одна честная новая пьеса лучше всего этого заплесневелого дерьма. Используй и сожги. Такова жизнь.

МАНДЕЛЬШТАМ. В России граница между революционером и пироманьяком практически стерта. Уничтожь прошлое, и ты уничтожишь себя. Ты весь слеплен из прошлого.

МАЯКОВСКИЙ. Но то, что пишу – будущее.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это пропаганда.

МАЯКОВСКИЙ. Но пропаганда для революции.

МАНДЕЛЬШТАМ. Любая пропаганда – дерьмо.

МАЯКОВСКИЙ. Но дерьмо полезное. Оно – удобрение для роста будущего.

МАНДЕЛЬШТАМ. Если ты хочешь, чтобы будущее вошло дерьмом.

МАЯКОВСКИЙ. Ты увидишь. Революция изменит все. А

до нее у нас есть «Бродящая собака», чтобы приютить нас. Все мы сироты, сбившиеся в кучку в подвале старого винного магазина. Никому мы не принадлежим. Никто за нами не придет. Мы – затерявшиеся. Но скоро нас найдут. Или тех из нас, кому хватит ума удержаться на плоту и не пойти на корм другим. А пока мы совокупляемся, будто конец света уже завтра.

МАНДЕЛЬШТАМ. Это конец чего-то. Белый хочет жену Блока. Мейерхольд хочет жену Есенина. Ты спишь с женой Брика. Ольга спит со всеми. Тамара не спит ни с кем. И Анна посреди всего этого пишет стихи.

АННА. Как друзья стихи лучше людей. Слишком сильно любить – всегда ошибка.

Картина 5

Ужас быть слишком любимой

ЛИЛЯ. Мне понятен ужас той, кого слишком любят. Понятно и другое: как что-то в нас изо всех сил мешает стать той личностью, которой нам суждено быть. Когда Маяковский начал ухаживать за моей сестрой⁵, я пришла в ужас. Он был таким беспардонным. Вставал, если кто-то читал стихи кого-то еще, и обрушивался на этого человека с ругательствами.

МАЯКОВСКИЙ. МАНДЕЛЬШТАМ – ГЕНИЙ, НО СТИХИ У НЕГО МЕРТВЫЕ, КАК ЛОШАДЬ ПУШКИНА.

ЛИЛЯ. Он так меня злил. Я думала, что он – хулиган.

МАЯКОВСКИЙ. Я и есть хулиган.

ЛИЛЯ. Он казался мне таким наглым и неуверенным в себе.

МАЯКОВСКИЙ. Это наглость – жаждать будущего здесь и сейчас? Радости и любви?

ЛИЛЯ. Но ты жаждал всего.

МАЯКОВСКИЙ. Если ты жаждешь чего-то, ты жаждешь всего. Одно связано с другим. Кому нужно будущее без радости, а какая радость без любви? И любви всегда не хватает.

⁵ Эльза Каган (1896-1970) – младшая сестра Лили Брик, больше известна нам как французская писательница Эльза Триоле. Именно она познакомила Лилю с Маяковским.

ЛИЛЯ. Пока ее не становится слишком много, но тогда уже поздно. Но, как бы то ни было, когда ты стоял в нашей маленькой квартире и читал нам свои стихи, внезапно все остальное перестало существовать, и мы с моим мужем оба влюбились в тебя.

БРИК. Да, так и было, хотя и звучит как-то глупо.

БЕЛЫЙ. Любовь, зависть и ненависть перемешаны в человеческой душе.

БРИК. Разве это позволительно – хотеть уничтожить то, что любишь?

БЕЛЫЙ. Больше чем позволительно – необходимо. Иначе о чем писать стихи?

ЛИЛЯ. Разумеется, мы с Маяковским с самого начала ничего не скрывали о наших отношениях.

ГУМИЛЕВ. Лучше рецепта для беды просто не найти.

БРИК (*С рукописью в руке поднимается навстречу ЛИЛЕ*). А вот и ты. Что-то ты сегодня припозднилась. Я сидел и перечитывал стихи Маяковского. Они удивительно смелые, и жесткие, и странные, и наполненные жизнью. Он – абсолютно уникальная личность. Я просто должен их опубликовать. Даже на собственные деньги. Он действительно неординарный человек.

ЛИЛЯ. Да. Он такой. Я должна тебе кое-что сказать.

БРИК. Ты потратила больше денег на уроки танцев? Это нормально, хотя нам, возможно, какое-то время придется экономить, чтобы мне хватило денег на публикацию сборни-

ка стихов Маяковского.

ЛИЛЯ. Я была с ним. С Маяковским.

БРИК. Так. И как он? Тебе следовало привести его домой. Мне не терпится вновь увидеться с ним. У меня к нему столько вопросов о его стихах, и с его появлением жизнь начинает играть новыми красками. Я бы отдал все за умение так писать.

ЛИЛЯ. Я была с ним.

БРИК. Да, ты это сказала.

ЛИЛЯ. Он в меня влюблен.

БРИК. Разумеется, влюблен. В тебя влюблены все.

ЛИЛЯ. И я в него влюблена.

БРИК. А кто нет?

ЛИЛЯ. Я трахалась с ним чуть ли не всю ночь.

(Пауза).

БРИК. Естественно. Кто бы не хотел?

(Пауза).

ЛИЛЯ. Я надеюсь, что...

БРИК. Итак, Маяковский влюблен в тебя, ты влюблена в Маяковского и ты трахалась с ним чуть ли не всю ночь.

ЛИЛЯ. Да. *(Пауза).* Ты говорил, что тебя устраивает открытый брак.

БРИК. Да, говорил.

ЛИЛЯ. Значит, все нормально?

БРИК. Почему нет?

ЛИЛЯ. Я подумала, а может, ему пожить у нас?

БРИК. Блестящая идея. Мы будем вместе работать над книгой. Так всем будет гораздо удобнее.

ЛИЛЯ. Я знала, что ты поймешь.

БРИК. Так будем завтракать? Или ты уже поела?

(ЛИЛЯ целует БРИКА в лоб, идет к МАЯКОВСКОМУ, чтобы обнять. БРИК снимает очки, протирает их).

АННА. Ты видишь, что твоя жена с Маяковским, и тебя это не тревожит?

БРИК. Лиля всегда с кем-то флиртует.

ЛИЛЯ. Это неправда.

БРИК. Ты флиртовала с Распутиным в поезде.

ЛИЛЯ. Я не флиртовала с Распутиным.

БРИК. Грязные ногти, включенная борода, запах, как от козла. Она с ним флиртовала.

ЛИЛЯ. У него были завораживающие глаза.

БРИК. Глаза маньяка. Женщинам это нравится. К опасности их тянет, как мух – к трупу.

ЛИЛЯ. Распутин действительно смотрел на меня. А может и сквозь меня. За пять минут он уделил мне больше внимания, чем ты уделяешь за пять месяцев. По крайней мере, я его заинтересовала.

БРИК. Никто в истории человечества не интересовался кем-либо, чем я – тобой. Маяковский, позволь дать тебе совет, ибо люблю я тебя, как брат. Бери от жизни всю радость, пока есть такая возможность. Но если возникнет намерение жениться, переселяйся в Швейцарию и посвяти жизнь

коллекционированию наклеек от треугольных кусков сыра.
(Уходит в тени).

АННА. Вы когда-нибудь были влюблены. Ты и Брик?

ЛИЛЯ. Мы встретились очень молодыми. Поначалу он хотел меня, а я интереса не проявляла. Потом хорошенько все обдумала и решила, что влюблена в него, но он меня уже не хотел. Я пришла в отчаяние. У меня начали выпадать волосы. И тут он предложил мне стать его женой. Я уже переболела любовью к нему, на самом деле выходить за него не хотела, но услышала, как говорю «да».

ТАМАРА. Если ты не хотела, то почему?

ЛИЛЯ. Сама не знаю, почему я делаю то или другое. Мои эмоции и действия идут не в ногу. Вдруг я обнаруживают что делаю что-то с человеком, с которым уже ничего не хочу делать, но остановить себя не могу.

ОЛЬГА. Поделюсь секретом – и стараться не надо.

ЛИЛЯ. В первый год с Бриком я была счастлива. Потом он перестал спать со мной. А когда я спросила, что не так, он сказал, что нам, возможно, лучше сойтись на открытом браке. Потом я начала встречаться с другими мужчинами, чтобы вызвать его ревность, но куда там. Я знаю его лучше, чем кого бы то ни было, и он для меня полный незнакомец.

ОЛЬГА. Секс с незнакомцами самый лучший.

БЛОК. Секс всегда с незнакомцами. Именно поэтому я не занимаюсь сексом с женой. (Пьет).

БЕЛЫЙ (через сцену смотрит на ЛЮБОВЬ, а она смот-

рит на БЛОКА). Треугольник – самая интересная из геометрических фигур. Треугольников великое множество, но у всех три стороны.

(Хлебников берет аккордеон, короткая прелюдия, потом начинает играть «Очи черные»).

МАЯКОВСКИЙ *(поет)*.

Спи с твоей женой,
Спи с моей женой,
Спи с его женой,
Спи с ее женой,
Когда тебе надоест
Изменять,
Пусти пулю
В лоб⁶.

ВСЕ, кроме АННЫ *(поют, МАЯКОВСКИЙ дирижирует)*.

Спи с твоей женой,
Спи с моей женой,
Спи с его женой,
Спи с ее женой,
Когда тебе надоест
Изменять,

⁶ Как вариант перевода: Переспи с женой, А потом с чужой, И с его женой, И с ее женой. Как предашь всех ты, Встанешь у черты, Пустишь пулю ты В череп свой. Перевод Дмитрия Витера

Пусти пулю
В лоб.

(Аплодисменты, кто-то радостно скачет, все с энтузиазмом поют вновь).

Спи с твоей женой,
Спи с моей женой,
Спи с его женой,
Спи с ее женой,
Когда надоест
Тебе изменять,
Пусти пулю
В лоб.

(Очень громко).

Когда тебе надоест
Изменять,
Пусти пулю
В лоб.

(Крики, все поднимают стаканы, чокаются).
Э-Э-ЭЙ!

Картина 6

(КНЯЗЕВ застенчиво подходит к ОЛЬГЕ, тогда как ХЛЕБНИКОВ продолжает тихонько играть. ОЛЬГА одевает куклу).

КНЯЗЕВ. Я вас люблю.

ОЛЬГА. Это мило. Ты очень милый мальчик. *(Обращаясь к кукле)*. Князев – милый мальчик? *(Отвечает за куклу)*. Князев очень милый мальчик.

КНЯЗЕВ. Нет. Я люблю вас. Люблю.

ОЛЬГА. Спасибо тебе огромное. Я это ценю.

КНЯЗЕВ. Не благодарите. Речь не о благодарности. Я вас люблю.

ОЛЬГА. Это приятно, но я замужняя женщина.

КНЯЗЕВ. Но вы спите с другими.

ОЛЬГА. Как и мой муж. Как и все, кого мы знаем.

КНЯЗЕВ. Я – нет.

ОЛЬГА. Несколько недель назад ты спал с любовником моего мужа. И он мужчина. Только не подумай, что я тебя осуждаю. Наше предназначение в этом мире – получать удовольствие. Быть несчастным – это грех. Ты очень милый, но еще юнец, и я тебя не хочу, да и ты не захочешь меня после того, как я стану твоей. А теперь уходи и позволь мне поговорить с куклами.

КНЯЗЕВ. Вы не понимаете. Вы понятия не имеете, что я чувствую.

ОЛЬГА. Я как раз понимаю. Просто мне без разницы.

(КНЯЗЕВ наблюдает, как она возится с куклой. Потом поворачивается и отходит к другому столику. Садится и начинает пить).

БЛОК. Ты разбила еще одно сердце.

ОЛЬГА. Я учу его жизни. Иногда гораздо лучше бросить щенка в озеро, по меньшей мере, раз или два. Поэтому я позволяю птицам летать по моей квартире. Не хочется оказаться взаперти даже в чьей-то грезе. Это смертельно опасно для счастья.

БЛОК. Это Россия. Она смертельно опасна для счастья.

(БЛОК смотрит на ЛЮБОВЬ, которая сидит на другой стороне сцены, учит текст, БЕЛЫЙ сидит неподалеку, не сводит с нее глаз).

ОЛЬГА. Поссорился с женой?

БЛОК. У нас ссор не бывает.

ОЛЬГА. Иной раз устаешь от нее?

БЛОК. Я безумно люблю свою жену.

ОЛЬГА. А она тебе не любит?

БЛОК. Нет. Она очень любит меня.

ОЛЬГА. Тогда в чем проблема?

БЛОК. Нет никаких проблем. Только я не могу заставить себя спать с ней.

ОЛЬГА. Почему?

БЛОК. Потому что она – богиня.

ОЛЬГА. То есть вместо того, чтобы быть счастливым и осчастливить ее, ты решил упиться до смерти?

БЛОК. Это Россия. Здесь все упиваются до смерти.

ОЛЬГА. Но ты – великий поэт. Даже другие поэты так думают. И они все ненавидят тебя.

БЛОК. Писательство не делает человека счастливым. Ничто не делает человека счастливым, за исключением полового акта, да и то на короткое время, а потом приходится расплачиваться такими агонией и унижением, что задаешься вопросом, а оно тебе надо? Это дьявольская работа, копать-ся в груде мусора собственной жизни в поисках рифм.

(БЛОК пьет, ОЛЬГА берет его за руку).

ОЛЬГА. Тебе не нужна богиня. Тебе нужна женщина. Пойдем ко мне.

БЛОК. Ты не понимаешь. Я люблю свою жену.

ОЛЬГА. Ты любишь свою жену. Но тебе нужна женщина.

(ОЛЬГА целует его, уводит в тени, тогда как остальные поют).

ВСЕ *(кроме АННЫ, КНЯЗЕВА, БЛОКА и ОЛЬГИ, очень нежно, а ЛЮБОВЬ – с грустью).*

Спи с твоей женой,

Спи с моей женой,

Спи с его женой,

Спи с ее женой,

Когда надоест

Тебе изменять,
Пусти пулю
В лоб.

Картина 7

Занятное происшествие с собакой в ночи

БРИК. Это крайняя глупость – быть собственником в любви. Если любишь кого-то, значит, хочешь, чтобы этот человек был счастлив. Я хочу, чтобы она была счастлива. Гениальный хулиган Маяковский делает ее счастливой. С чего мне лишать ее счастья? Когда-нибудь мы все умрем. И будет ли тогда иметь значение, кто с кем спал? Нет, значение тогда будет иметь только одно: любил ли ты? А если любили и тебя, так это уже премия. Мы часто спим в одной комнате, на двух кроватях. Мы с женой на одной. Маяковский – на другой. Собака спит с Маяковским. Иногда, глубокой ночью, Лиля меняется местами с собакой.

МАКДЕЛЬШТАМ. Любопытное происшествие с собакой в ночи.

БРИК. В блистательном будущем после революции никто никого любить не будет. *(Пьет и отходит в тени).*

МАЯКОВСКИЙ. Он ведет себя на удивление пристойно. Неужели действительно не ревнует?

ЛИЛЯ. Я думаю, испытывает облегчение. У нас давно уже нет половой связи. Так что теперь он не чувствует вины по этому поводу. Помнишь, как мы встретились в первый раз?

В тот вечер на даче. Я видела только оранжевый огонек сигареты в темноте. А потом ты увел мою сестру в лес.

МАЯКОВСКИЙ. Я хотел показать ей грибы.

ЛИЛЯ. В темноте?

МАЯКОВСКИЙ. Грибы светятся только в темноте.

ЛИЛЯ. Ты отгородился такой циничной маской, но я сразу поняла, что ты очень ранимый и несчастный.

МАЯКОВСКИЙ. Расскажи мне о своей брачной ночи.

ЛИЛЯ. Моей брачной ночи? А что о ней рассказывать?

МАЯКОВСКИЙ. Мне интересно, что произошло в твою брачную ночь. Расскажи мне все. Ничего не опускай.

ЛИЛЯ. Ты хочешь знать все о брачной ночи с моим мужем?

МАЯКОВСКИЙ. Я хочу знать о тебе все. Самое невероятное, неопишное, ужасное.

ЛИЛЯ. На самом деле не было в моей брачной ночи ничего ужасного. Наоборот, она была прекрасна. Везде стояли цветы, постель была мягкой и пахла удивительной чистотой, Брик был нежным и чутким любовником. Языком он вытворял такое, что посильно, как мне казалось, только муравьеда.

МАЯКОВСКИЙ. Ладно. Этого достаточно.

ЛИЛЯ. Но ты сказал, что хочешь услышать все о моей брачной ночи. Правда в том, что она была нежной и страстной. Я испытала несколько оргазмов, и всякий раз, когда он входил в меня, чувствовала...

МАЯКОВСКИЙ. Замолчи. Просто замолчи. Я не хочу

этого слышать.

ЛИЛЯ. А чего ты ждал? Я сожалею, что моя брачная ночь не была такой ужасной, как бы тебе хотелось. Если ты хочешь написать за меня мои реплики, тогда я, конечно же, скажу именно то, чего ты жаждешь услышать. Словно наш разговор – какая-то глупая пьеса.

МАЯКОВСКИЙ. Почему ты это делаешь? Почему ты так меня мучаешь?

ЛИЛЯ. Если не хочешь слышать ответ, не задавай вопрос.

МАЯКОВСКИЙ. Ты говоришь, что любишь меня, но никогда не отдаешься полностью, и всегда возвращаешься к мужу.

ЛИЛЯ. Ты хочешь полностью поработить меня. Ожидаешь, что женщина целиком и полностью станет твоей, а когда она это делает, ты теряешь интерес и презираешь ее. И не надо этого отрицать. Ты так поступал с сотней женщин. Как и с той бедняжкой, которая выпрыгнула из окна.

МАЯКОВСКИЙ. Моей вины в этом нет. Я ее из окна не выбрасывал. А ты тогда флиртовала с Пастернаком.

ЛИЛЯ. Я не флиртовала с Пастернаком. Пастернак флиртовал со мной. Он флиртует со всеми. Как и ты. И мне нравится его компания. В нем нет такого надрыва, как в тебе, и он так здорово импровизирует. На пианино. Я хочу научиться этому. И я хочу рисовать, высекать скульптуры. И я хочу брать уроки танцев и танцевать как, Тамара и Ольга. Ты для меня очень, очень важен, но в моей жизни есть многое по-

мимо тебя. Тебе нужно больше любви, чем может дать один человек. Эту твою потребность невозможно насытить, для других она губительна. Если ты любишь меня, позволь оставаться, какая я есть. Ветреной и непостоянной, как и ты. Живя с Бриком, я жаждала любви. Но ты – полная противоположность Брика. Твоя любовь сокрушающая, я в ней утону. По крайней мере, Брик в этих вопросах реалист. И я не думаю, что у тебя есть право испытывать к нему презрение.

МАЯКОВСКИЙ. Я и не испытываю. Брик – мой друг.

МАНДЕЛЬШТАМ. Друг, жену которого ты трахаешь.

МАЯКОВСКИЙ. Но он не против. Сам так сказал.

БЕЛЫЙ. В любви самообман – ключевой элемент.

МАЯКОВСКИЙ. Почему ты остаешься с ним, если он не хочет с тобой спать?

ЛИЛЯ. Ты – прелесть, но выматываешь донельзя. Это такое облегчение, проводить время с мужчиной, который счастлив только тем, что я рядом, но вполне может оставаться один, не угрожая застрелиться.

МАЯКОВСКИЙ. Но это не любовь.

ЛИЛЯ. Что бы это ни было, меня вполне устраивает. (*Целует его и уходит*).

МАЯКОВСКИЙ. Иногда я вижу себя со стороны, наблюдаю за собственным представлением. И, должен отметить, получается у меня хорошо. Но не так хорошо, чтобы обмануть себя.

МЕЙЕРХОЛЬД. Это правильно, смотреть на себя со сто-

роны. Актер не может оставаться в плену своих эмоций. Уничтожая ложные традиции настоящего, мы должны использовать ложные традиции прошлого, а потом ниспровергать их. Это хорошо – носить маску.

МАЯКОВСКИЙ. А если я сниму маску и окажется, что лица у меня нет?

МЕЙЕРХОЛЬД. Маска – это лицо.

МАЯКОВСКИЙ. Наиболее свободно ты чувствуешь себя на сцене. А я – здесь, в месте, которое по большей части вообразимое. Здесь у человека ощущение, что никто и ничто его не тронет. Ты словно внутри защитного кокона. Но придет день, когда кокон разлетится вдребезги.

Картина 8

Когда-нибудь наши стихи убьют нас всех

ГУМИЛЕВ. Тебе ночью не спалось. Я просыпаюсь, а тебя нет.

АННА. Ребенком я ходила во сне. По крыше, с голубями. Все думали, что я чокнутая. Я плавала, как рыба, в тонком платье, которое прилипало к телу, а мальчишки глазели. Да какая разница, что они видели? Они все такие тупицы. Это мое тело, это я сама. Каждый вправе отвести глаза. Ты на меня злишься.

ГУМИЛЕВ. Я не злюсь. Мне просто не нравится, что ты бродишь по дому ночью. В четыре утра женщина должна быть в постели, рядом с мужем.

АННА. Я – поэтесса. Я встаю и пишу. Ты на долгие месяцы убежал в Абиссинию, а я не могу ходить по собственному дому? Зачем поэту ехать в Абиссинию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.